

Екатерина Мосина

**Архив чудес:
Баланс невидимых
связей (Скучная
тётка: Книга 1)**

Скучная тётка: исповедь

Екатерина Мосина

**Архив чудес: Баланс невидимых
связей (Скучная тётка: Книга 1)**

«Автор»

2026

Мосина Е. А.

Архив чудес: Баланс невидимых связей (Скучная тётка: Книга 1) /
Е. А. Мосина — «Автор», 2026 — (Скучная тётка: исповедь)

Говорят, что случайности не случайны. Августа Иосифовна знает это лучше всех: она видит невидимые линии, соединяющие людей, события и чудеса. Но однажды тишина её уютного мира нарушается: человек, которому она доверила ключи к этой тайне, бесследно исчезает. Оставив лишь вопрос в синем блокноте: «Где прячется ветер?». Её поиски превращаются в путешествие сквозь слои реальности — от заснеженных улиц Северного города до залитых солнцем тайных тропинок чуда. Встречи с забытыми друзьями, разговоры с ветром и разгадка старой семейной легенды — всё это ведёт к одному: всё происходящее подчиняется невидимым законам, которые можно не только увидеть, но и нарисовать. Сможет ли Августа найти свой баланс между контролем и доверием, между прошлым и будущим? И готова ли она принять, что чудеса случаются именно тогда, когда перестаёшь их планировать?

© Мосина Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	31
-----------------------------------	----

Екатерина Мосина

Архив чудес: Баланс невидимых связей (Скучная тётка: Книга 1)

КНИГА – исповедь

Книга «Архив чудес: Баланс невидимых связей»

(или

«Логистика невозможного: Уроки тишины от Августы Иосифовны»)

Ох, так и быть, внемлите же. Исповедь скучной, как вам кажется, тётки. Но не спешите с выводами – за каждым паспортным штампом может скрываться фреска. Или может даже и так, что клубок тёмных нитей.

История в духе магического реализма и доброго абсурда – как если бы одна из главных героинь – Августюша Иосифовна – была персонажем Макса Фрая или Сергея Лукьяненко, а может и господина Пелевина, и кто-то из них один ли все вместе – вдруг решил / решили написать семейную сагу о паре тройке друзей.

Внемлите же – продолжение сей саги таково: читайте, как говорится в следующих главах, а в них появятся загадочные задания в Яндекс.Толоке, звонок от "Персея", философские беседы с Софой и Аннушкой о природе реальности и генерал ДПС Ерофей Громов, который начнёт задавать вопросы про "латеральное перемещение данных", девочка «Машенька», протокол «Дима», протокол «Омега», Варвара Прокопьевна и «Самоварчик».

Глава 1. Тётя Гутя и цифры, у которых зачесались затылки

Краснодар. Утро. Солнце, как назойливый покупатель в день распродажи, уже пробивалось сквозь жалюзи. Оно явно хотело скидку на мое настроение, но я – Августа Иосифовна – не из тех, кто торгуется с небесными светилами до второго звонка.

Звенел будильник. Не мелодично, а с той самой инженерной прямоотой, которую ценил мой муж, Ксенофонт. Его мир был построен на законах термодинамики, и лучшим доказательством любви он считал идеально выверенный график подачи горячей воды. Наш сын, Радаслав (тринадцать, как тринадцать колонок в сводной таблице), обитал в параллельной вселенной. Его ответы на вопросы были лаконичны и точны: «Норм.», «Пойду.», «Денег есть?!». Истинный поэт эпохи цифрового минимализма.

А я... Я была главным диспетчером, бухгалтером и хранителем одной очень странной вселенной под названием «Семья!». Моя жизнь была выстроена, как надежная инженерная система Ксенофонта, только вместо труб и задвижек – живые, теплые, вечно что-то требующие человечки.

Аннушка, подруга. Парикмахер-философ. Стригла так, будто снимала с клиентов ненужные наслоения судьбы. Её дочь, **Люция** (уже одиннадцать лет – знает, чувствует видит всех и вся насквозь), которая считала мою художественную мастерскую «Рисую радость – живая живопись» – филиалом Disney. Мама Аннушки, **Симонна**, была нашим главным консультантом по балконному огородничеству. Мы выращивали помидоры «для души», а получали их ровно столько, чтобы два раза в сезон сделать салат и сфотографировать для семейного чата.

И это мой южный узел – **Краснодарский!**

Северный узел – Мурманский:

Лукерья, племянница. Учитель начальных классов. Её энергия могла бы питать небольшой городской квартал, включая уличное освещение и фонтан. Её мать, **София Иосифовна**. – штукатур-маляр с золотыми руками и характером застывшего бетона. Муж Лукерьи, **Стефан**, тихий майор с Северного флота. Он мечтал о переводе на Южный, и не из-за моря, а из-за персиков. «Не может человек. – говаривал он при редких встречах. – быть счастливым, если его семья не ела свежих абрикосов с июня по август». Муж Софии Иосифовны, **Ицик**. – подводник в отставке. Он научился молчать так, что даже его тишина была весомой и содержательной, как военная тайна. И вся эта бригада базировалась в **Мурманске**.

Жоржетта, подруга. Хозяйка магазина «Хюгге & Тётя»¹. Там продавалось всё: от свечек, пахнувших «норвежским лесом после дождя», до свитеров, в которых можно было пережить апокалипсис и в полном обмундирования «истинного здоровья». Её муж, **Ерофей**. – генерал ДПС. Человек-невидимка, чья служба была разбросана между Минском, Питером и тем же вездесущим Мурманском. Их сын, **Ефимушка** (полтора года), был живым воплощением сути датского слова «хюгге» и мог утихомирить любого гаишника своей улыбкой.

Мурманск, филиал №2: Брат **Тимофей**, старший. На пенсии. Его семья – это жена **Марфа** и три овчарки с человеческими именами и нечеловеческим умом. Они были моей северной точкой опоры и поставщиком клюквы, трески и баек про соседа-полярника.

Таковы три важные точки на карте Северного узла, а далее одна – очень гордая птичка в виде Северо-западного узла:

Санкт-Петербург, зона турбулентности: Брат **Матвей**, владелец магазина мебели «Матвеевские палаты». Жена **Лиона**, дети: 11, 9, 8 и 1 год. Это был отдельный, бурлящий мирок, требующий ежемесячных финансовых вливаний и ежедневных эмоциональных консультаций по видеосвязи. «Гуть. – могла начать Лиона в полночь. – он опять не понимает, что дети – это не модульная мебель, их в шкаф на ночь не уберешь!»

Вот и все три важные точки на карте Южный, Северный и Северо-западный узлы бытия-жития этой прекрасной семьи. Остальные важные приключения этой семьи содержатся в книгах:

Мини-книга (вербатим) ««Дзынь» длиною в жизнь»;

Книга «Вселенная ДЗЫНЬ Хроники обыкновенного чуда»;

Книга «Правильно желайте – желаньям свойственно сбываться! (Или «Любовь повсюду!»)»;

Книга «Книга забытых встреч», или «Хроники Августы и Жоржетты»;

Книга «А-А» или «Дружба на квантовом уровне: история Аннушки и Августюши» ...

Немного из другой, как говорится оперы – но очень познавательно и увлекательно: Мини-книга «Сказ о Кощее-Роботе и его пустом сердце»?!

А ещё у меня была мастерская. Художественная мастерская. Впрочем, я уже про нее упоминала. **Творческий узел! Мастерская**. Называлась скромно: «Рисую радостью – живая живопись». Там я писала вовсе не акварели, а акрилии. Не пейзажи, а портреты домовых, речных дев и маленьких ветров, которые путаются в волосах у Лукерьи, Радаслава или Люции. Дети – особенно маленькие их видят, сними играют и вовсе не боятся... А чего бояться, ведь они же добрые и они есть... Картины почти не продавались, но без них мой мир был бы слишком прямолинеен, как схема отопления. Это был мой секретный клапан для пара души.

¹ **Хюгге** — это датское понятие, которое сложно дословно перевести на другие языки. Оно обозначает чувство уюта, комфорта, благополучия и удовлетворённости, которое можно найти в мелочах жизни. Это философия образа жизни, которая призывает к осознанности, умению ценить момент здесь и сейчас, находить радость в простых вещах и делиться ими с близкими.

И вот в один из таких дней, когда я сводила дебет с кредитом в отчете за капремонт, а в чате «Наша бухта» (так мы называли семейный чат) Лукерья выкладывала фото поделки «Космический котик из пластилина», пришло письмо.

Не e-mail.

Настоящее, бумажное, в конверте с мурманским штемпелем. Отправитель – незнакомое имя. А внутри – лишь одна старая фотография. На ней я, лет двадцати, и молодой человек с ясными глазами, которого звали Дима. Друг юности. Почти забытый. А на обороте, чьим-то чужим почерком, было написано: «Он не утонул. Ищи дисбаланс».

Я положила фотографию в стол, поверх папки «Акт сверки по дому №21». Сердце стучало не в такт тиканью настенных часов. «Дисбаланс»... Это было слово из моего мира. Из мира Ксенофонта. Дисбаланс в системе – это предвестник аварии. Тихая просьба о внимании.

– Ксенофонтושка! Ксения, слышишь! – сказала я вечером мужу, пока он проверял показания теплосчетчика. – А бывает так, что в абсолютно исправной системе вдруг возникает... намёк? Знак, что где-то есть слабое звено?

Он посмотрел на меня поверх моих очков, взгляд – поверх моего взгляда...

– Температурный шум. – ответил он уверенно. – Или сбой датчика. Надо чистить, Августюша. Проверять контакты.

– А если это не датчик? – спросила я. – Если это... сама система хочет что-то сказать? Ксенофонт хмыкнул, погладил манометр, как кота.

– Системы не разговаривают, дорогая. Они либо работают, либо ломаются. Всё остальное – твои художнические фантазии. Выпей иван-чая, нервы успокоятся.

Но я уже знала. Системы *разговаривают*. Просто их язык – это тихие щелчки в отлаженной работе, лёгкие перекосы в привычном. И мой мир – моя огромная, шумная, любящая семья и друзья – только что получила первый тихий сигнал. Из прошлого. Из Мурманска. Где ледяная вода хранит секреты лучше любых сейфов.

Искать дисбаланс. Что ж. Я, Августа Иосифовна, главный финансист и экономист своей реальности, как раз этим и занимаюсь всю жизнь. Только обычно я ищу его в квитанциях, а не в собственной биографии. Дебет с Кредитом должен сходиться. А если нет – значит, где-то затесался призрак. И с призраками, как я подозреваю, тоже нужно вести отчётность. Только какую?

«Отлично, история обретает магические чернила. Продолжаем в том же ключе.» - от автора.

Глава 2. Призрак в облаке и персиковая косточка

Фотография лежала в ящике, как нераспакованный сигнал бедствия. «Ищи дисбаланс». Я искала. Первым делом – в семейно-дружном чате «Наша бухта». Прокрутила вверх. Лукерья: «Тётя Августюша, Стефану опять приснилось море в пустыне. Это к чему?» София Иосифовна: «К тому, что давление падает. У нас в подъезде батареи холодные, как его совесть после этого сна. Ицик, сходи разберись!». Ицик: «...» (молчание в три точки – его фирменный знак согласия). Жоржетта скинула фото Ефима в шапке с оленьими рогами: «Осваиваем локальный фольклор!» Ерофей отреагировал лайком из временной точки, помеченной как «трасса М-10,

327 км». Матвей из Питера: «Кто-нибудь знает хорошего экзорциста? Дети завели в шкафу лярва, который ест носки. Только представьте, левитирующие носки?!».

Ничего. Только обычный хаос. Значит, дисбаланс не в текущих операциях. Он в архиве. В неверно списанной статье расходов двадцатилетней давности.

Я позвонила Тимофею в Мурманск. Слышно было плохо, завывал ветер и лаяли овчарки.

– Тима. – крикнула я в трубку. – Привет, это Августюша, если что!? Вопрос из прошлого века. Помнишь Диму? Того, с ясными глазами, с которым я в институте дружила?

– Диму? – протянул брат.

На том конце Марфа что-то крикнула про пельмени.

– Диму... А, тот, что на катере работал? Добряк и романтик, душа вашей дружной компании. Пропал же, кажется. Утонул.

– Так говорили. – осторожно сказала я. – А если нет?

Тишина на другом конце была такой густой, что её можно было резать ножом для трески. Потом послышался глубокий вдох.

– Гуть. Августюш-а-а-а... – тихо сказал Тимофей. – Ты в своей мастерской небось опять этих духов нарисовала, и они тебе нашептали. Завязывай. Лучше скажи, как добыть денег на новую снегоуборочную прибуду для соседа, может скинемся? Он у нас опять в сугробе застрял, как подводная лодка на мели.

Не помог. Я позвонила Аннушке.

– Аннушка. – сказала я, не здороваясь. – Мне нужна твоя философская голова. Представь: из прошлого приходит призрак. Не страшный. С вопросом. Как с ним говорить?

– Привет, Гуть. – спокойно ответила Софа. (Я слышала, как на фоне стригут машинкой.) – С призраками, как с клиентами. Сначала – молча выслушать. Потом – задать наводящий вопрос. «Что вас не устраивает в вашей текущей призрачной форме?» И предложить метафорическую укладку. Метафорическую, Гуть! Без ножниц. А что случилось?

– Ничего. – выпалила я. – Просто готовлю новый цикл картин. «Привидения офисного планктона».

– О! – оживилась Аннушка. – Тема! Могу поделиться историями. У меня тут один бухгалтер ходит, говорит, после отчёта по НДС у него над левым ухом появляется туманный силуэт с калькулятором.

Не помогло и это.

Дисбаланс искал меня сам.

На следующий день, пока я разбирала корреспонденцию, пришло уведомление на телефон. **«Яндекс.Толока. Доступно новое задание: Верификация воспоминаний. Уровень сложности: Призрачный. Вознаграждение: Ответ на один вопрос».** Я чуть не выронила пачку квитанций. Зашла в приложение. Задания обычно были вроде «отметьте, есть

ли на фото кошки» или «переведите с узбекского отзыв о шаурме». А это: **«Сопоставьте факты из биографии Димы К. (1980-2004) с открытыми источниками. Отметьте несоответствия»**. И список: дата рождения, институт, место работы, дата исчезновения.

Руки похолодели. Кто-то играл со мной. Кто-то, кто знал про письмо. Я, как робот, кликнула «Взять задание». На экране появились обрывки: студенческая газета, старая запись в ЖЖ, сканы каких-то справок. И три явных нестыковки. В одной газете говорилось, что он ушёл в рейс 3 июня. В другой – 5-го. В справке о гибели не было номера спасательного плота, хотя по судовому журналу он был. Мелкие цифры. Мухи в паутине официального отчёта.

Я отметила несоответствия. На экране появилось: **«Задание выполнено. Вознаграждение: Что ищет тот, кто послал вам письмо?»** Я вдохнула и напечатала: **«Правду»**. Мгновенный ответ: **«Правда – не вещь. Её нельзя найти. Её можно только собрать. Следующая подсказка будет там, где хранится сладкое»**.

Голова пошла кругом. Я отложила телефон, будто он был раскалённым. Вдруг зазвонил стационарный, рабочий. Незнакомый номер с кодом Мурманска.

– Августа Иосифовна? – спокойный мужской голос.

– Да, я.

– Здравствуйте. Вам звонит капитан второго ранга Седов, «Персей». По рекомендации вашего зятя, Стефана. Речь идёт о неформальной консультации.

– Консультации? – переспросила я, чувствуя, как земля уплывает из-под ног.

– По вопросам..., архивной гидродинамики. – сказал он, и в его голосе прозвучала улыбка. – Видите ли, иногда старые, списанные течения вдруг проявляют активность. Запутывают навигацию. Мы бы хотели понять логику этих... всплесков. Вы, как мы слышали, специалист по наведению порядка в сложных системах. Не могли бы вы рассмотреть один старый маршрутный лист? Официально – ничего не было. Неофициально – чай с морошковым вареньем и разговор по душам всегда к вашим услугам. Я поняла. «Персей» – это не просто имя. Это судно. Исследовательское. Им интересен Дима. Или то, что с ним связано.

– Я подумаю. – выдохнула я.

– Ждём. И, Августа Иосифовна? – Он понизил голос. – Сладкое в таких делах часто хранят в самом очевидном месте. В банке. Но не в той, что на полке.

Связь прервалась. Я сидела, глядя на таблицу тарифов, и мир вокруг поплыл. Слова капитана Седова на ложились на слова из Толоки. **«Там, где хранится сладкое»**.

И тут меня осенило. Я вспомнила письмо Стефана, которое пришло месяц назад вместе с посылкой. Он жаловался на северную тоску и мечтал о юге. И в конце, словно вскользь, написал: **«Лукерья закатала на зиму аджику. Говорит, положила по вашему рецепту, с персиковой косточкой в каждую банку для фирменного вкуса. Одну даже подписала "Для тёти Гути – особо острая правда". Шучу, конечно. Просто "Для тёти Гути"»**.

Я вскочила, сметая со стола бумаги. Банка. В кладовке. С персиковой косточкой. И надписью. **«Особо острая правда»**.

Дисбаланс переставал быть абстракцией. Он материализовался в виде банки аджики, звонка с исследовательского судна и призрачного задания в интернете. Кто-то очень хотел, чтобы я начала это расследование. И этот кто-то явно знал, что лучший способ достучаться до Августы Иосифовны – говорить на языке её семьи. На языке персиковых косточек, моряков и невыполненных обещаний.

Я шла к кладовке, и мне казалось, что за мной наблюдают: все домовые, духи и ветра – со всех моих картин. И они одобрительно кивают.

Глава 3. Аджики, логистика и генерал на краю света

Кладовая была маленькой, тёмной и полной запахов прошлого лета – укропа, корицы и тёплого солнца, закатанного в стекло. Я нашла банку. «Для тёти Гути». Обычная, с матовой крышкой. Но когда я взяла её в руки, под пальцами что-то шевельнулось. Не физически, а... тактильно-знаково. Как будто банка стала точкой на карте, и эта точка была живой.

Я открыла её. Острая, пряная душа природы взметнулась в воздух. Но внутри, среди густого красного перца и хмели-сунели, лежало нечто другое. Завёрнутое в пищевую плёнку и приклеенное к крышке. Маленький металлический предмет. Я вытащила его.

Это был старый, потемневший от времени и морской соли ключ. Не от двери. От ящика. С гравировкой на рукоятке: «ДМ-4». Дима. ДМ. И цифра.

Ключ лежал на моей ладони холодным и тяжёлым, как невысказанная вина. Он был реальным, не цифровым. Это был переход от призрачной Толоки к физическому миру. Кто положил его в банку? Лукерья? Стэфан? Или кто-то, кто прошёл через их дом, как тень?

В семейном чате я написал Лукерье: **«Аджика огонь! Спасибо. А банку ты сама закатывала?»** Ответ пришёл мгновенно: **«Тётя, это мама закатывала! Я только помидоры резала, а она всё колдовала. Сказала, в одну банку положила «сердечник» для вкуса. Что-то такое старинное, из моряковского бабушкиного сундука. Ты нашла?»** София Иосифовна добавила: **«Старый ключ от шкатулки. Лежал без дела. Для баланса, Августюша, для баланса. В каждом деле должен быть баланс. И в аджике тоже! ;)»**.

Баланс. Дисбаланс. Ключ от шкатулки. Шкатулка Димы? Я обернула ключ в бумажку и положила в ящик с фотографией. Теперь у меня был артефакт. И неявное разрешение от Софии Иосифовны на поиски. Она, человек из бетона, знала больше, чем говорила. Она дала мне инструмент.

Вечером того же дня я получила сообщение от Ерофея. Не в чат, личное. **«Августа, есть минутка? Нужна консультация по латеральному перемещению данных. Неофициально»**. Латеральное перемещение данных. В его мире – это когда информация уходит из одного региона в другой, минуя официальные каналы. В моём – это то, что сейчас происходило с памятью о Диме.

Я ответила: **«Ерофей, я вся в консультациях. О чём речь?»** Он позвонил. Голос был низким, спокойным, как шум трассы за окном его машины.

– Августа, я сейчас на краю света. В смысле, географически. Мурманск. Провожу инструктаж местных коллег. И тут мне рассказали историю. Старую. Про один катер, который исчез не по плану. Но его экипаж... не весь.

– Не весь? – переспросила я, чувствуя, как ключ в ящике словно нагревается.

– Один человек, согласно журналу, должен был быть на борту. Но в последний момент его... «заменяли». Спустя годы этот факт всплыл в ходе одной внутренней проверки. Никаких последствий, дело давно закрыто, но бумажка осталась. Потом эта бумажка пропала из архива. Латеральное перемещение.

– И катер? Дима был на нём? Ерофей помолчал.

– Я не знаю деталей. Но имя... совпадает. Мне сказали: *«Если кто-то из вашей семьи интересуется морскими историями, скажите – есть нюансы. И нюансы любят прятаться в мелких, личных вещах. В шкатулках, например.»*. Странное совпадение, не правда ли?

– Очень. – выдохнула я.

– Я не могу дать вам бумаги, Августа. Но я могу дать совет. Если вы начнёте искать... ищите не только в прошлом. Ищите в **связях**. Это как сеть дорог. Одна ветка закрывается, но груз может быть переброшен на другую, параллельную. Ваш... субъект, возможно, не утонул. Он мог быть переправлен. Латерально.

– Переправлен? Куда? И зачем?

– Это уже вопросы не к дорожной полиции. – тихо сказал Ерофей.

– Это вопросы к капитанам. К тем, кто знает море лучше, чем дороги. Вы говорили с «Персеем»?

– Они предложили чай с вареньем.

– Принимайте предложение. Но будьте осторожны. Море знает много историй, но рассказывает мало. И ещё... Лукерия, дочка Софы, говорила мне в прошлый визит, что вы учите её рисовать ветер.

– Да. – Она сказала мне: «Тётя Гутя говорит, чтобы нарисовать ветер, надо найти, где он прячется перед тем, как дунуть». Мудрое замечание. Возможно, ваш субъект тоже прятался. Перед тем как... дунуть в другую сторону.

После его слов мир снова перевернулся. Ерофей, генерал ДПС, человек-системы, говорил о Диме как о «субъекте» и «грузе». Он наводил меня на «Персей». Он знал о моей мастерской. Сеть вокруг меня затягивалась, но не давила – она **поддерживала**. Как будто вся моя семья, от строителя до генерала, вдруг стала единой операционной группой для расследования одной давней, списанной истории.

Я вызвала Аннушку на сеанс философской терапии. Мы сидели в её парикмахерской после закрытия. Она разбирала инструменты, я держала в руках ключ.

– Анюта, представь. – начала я. – что у тебя есть ключ от шкатулки, которой нет. Что ты делаешь?

– Я открываю шкатулку, которая есть в голове. – без паузы ответила Аннушка, протирая зеркало.

– Каждый предмет – это символ. Ключ – это не инструмент для железа. Это инструмент для памяти. Он открывает не ящик, а **отношение**. Что было в той шкатулке? Что Дима хранил так бережно?

– Я не знаю. Мы были просто друзьями. Он рисовал. Море, корабли...

– Художник? – Анна заинтересовалась.

– Тогда это могло быть всё. Краски. Альбом. Любовное письмо. Или... карта. Художники часто рисуют карты не мест, а чувств. Возможно, он нарисовал что-то такое, что нельзя было хранить открыто. И спрятал. И ключ передал кому-то. А кому?

– Кому? – задумалась я. – Софии Иосифовне? Она знала про ключ. Но она была в Мурманске. А Дима исчез на юге...

– Возможно, не человеку. – мягко сказала Аннушка.

– Возможности. Он бросил ключ в возможность, чтобы его нашёл тот, кому это нужно. И вот он нашёл вас. Потому что вы одной крови, ведь ты – тоже художник. И вы оба тоже храните вещи. Не в шкатулках, а в картинах. В своих «живых живописях».

В тот момент я поняла. Поиск дисбаланса – это не расследование пропавшего человека. Это восстановление потерянной **карты**. Карты связей, чувств, тайн. Дима был частью этой карты. Его исчезновение создало пустоту, искажение. И теперь эта пустота начала излучать сигналы – через фотографии, ключи, воспоминания моряков и рассказ Ерофея.

Я решила. Я напишу капитану Седову из «Персея». Но не письмо. Я напишу ему картину. Акварель. Море, катер, и над ним – ветер, который ещё не дует, но уже собирается в тёмную точку на горизонте. И отправлю её в Мурманск с оказией через Тимофея. Пусть они знают, что я не просто бухгалтер. Я – художник, который видит связи. И я принимаю их предложение «о чае с вареньем».

А пока я сидела и смешивала цвета на палитре в своей Художественной мастерской «Рисую радостью», в чате появилось сообщение от Матвея из Питера: «**Гуть, кризис! Лярва**

в шкафу не только ест носки. Она начала есть наклейки с ценников на новой мебели! Что делать?»

Жизнь продолжалась. Бурлила. Ляры ели наклейки, генералы говорили о латеральных перемещениях, а в Мурманске капитан второго ранга Седов ждал картину. И, возможно, чай с варением. Дисбаланс искался не в тишине архивов, а в густом, ярком, шумном потоке жизни моей семьи. И это был единственный способ его найти – оставаться внутри потока, но смотреть вглубь. Как художник, который видит не только волны, но и то, что под ними.

Глава 4. Акварель с волной и морошковый интерфейс

Картина вышла тревожной и немного пророческой. Я изобразила море не как гладь, а как срез – вихрь воды, в который втягивается силуэт катера. Но не для того, чтобы утопить, а, чтобы **перевернуть**. Над волной – небо, сложенное из отрывков старых писем, а на горизонте маячил неясный контур другого судна. Я назвала её «Гидродинамика пропавшего». Отправила брату Тимофею с наказом: *«Передай капитану «Персея». Это моё резюме.»*.

Пока картина летела на север, я начала копать глубже. Но не в интернете. В памяти. Я достала старый альбом, куда в студенческие годы клеила билеты в кино, засушенные цветы и фотографии. Там, между страниц, нашлась чёрно-белая карточка. Дима, я и ещё кто-то третий, с закрытым лицом – солнце попало в объектив. Сзади было написано: *«Ялта, набережная. 98-й. Если забудешь дорогу – посмотри на волну. Она всегда показывает, откуда пришла.»*.

«Показывает, откуда пришла...» Может, не метафора? Я полезла в старые коробки с его вещами, которые мама когда-то отдала мне «на хранение». Там было несколько тетрадей с корабельными эскизами, закладка с силуэтом парусника и... блокнот в плотном синем переплёте. Простой, для записей. Я открыла его. Большая часть страниц была чистой. Но в середине, аккуратно вклеенная, лежала карта. Не географическая. Что-то вроде схемы. Стрелки, условные обозначения судов, даты. И в углу – аббревиатура **«ППК»**. И подпись карандашом: **«Точка перехода. Заначка»**.

ППК. Я по гуглила. Пункт приёма-передачи контейнеров. Переходный период. Полярный почтовый код. Ничего не цепляло. Пока я не вспомнила разговор Ерофея. **Латеральное перемещение**. ППК могло означать **«Промежуточный пункт контроля»**. Или **«Пункт переброски контингента»**. Судя по схеме, это была не точка на карте, а цепочка. Как сеть. Одна из стрелок уходила от Ялты в открытое море и терялась.

Мой телефон завибрировал. Неизвестный номер, но с кодом Санкт-Петербурга.

– Августа Иосифовна? – голос был мягким, интеллигентным, с лёгкой усталостью. – Вас беспокоит Илья Аркадьевич, из Академии наук. Коллега по цеху, в некотором смысле. Капитан Седов поделился вашей работой. Она... весьма выразительна. Я занимаюсь историей полярных конвоев. И иногда наша история пересекается с историями, которые не попадают в учебники. Не могли бы вы оказать мне небольшую помощь?

– Какую? – спросила я, чувствуя, что разговор снова уходит в сторону моря.

– У вас в руках есть старый блокнот. Синий. В нём есть схема. Мне бы очень хотелось её увидеть. Я могу объяснить, что значат некоторые условные знаки. Наши исследования могли бы... взаимно обогатиться.

«Как он узнал? Седов? Или кто-то ещё?» - пронеслось в моей голове. Я почувствовала лёгкий холодок.

– Это личная вещь. – осторожно сказала я.

– Понимаю. Но иногда личные вещи становятся ключом к пониманию более крупных процессов. – он помолчал. – Я не прошу отдать. Я прошу... скопировать. А взамен могу предложить кое-что. Вам ведь интересно, что означают буквы «ППК» в контексте Чёрного моря конца девяностых? И почему на той схеме три судна помечены не цифрами, а кличками: «Барбос», «Монах» и «Сирена»?

У меня перехватило дыхание. Он знал. Он знал детали, которых я ещё не видела, потому что не успела расшифровать все мелкие пометки.

– Как вы...?

– Я долго изучал этот период. – просто сказал Илья Аркадьевич.

– И у меня есть теория. Но ей не хватает одного звена. Вашего звена. Давайте встретимся виртуально. Удобно? Через час? Платформа... скажем, «Морошковая гостиная». Это наш внутренний сервер, безопасный. Ссылку пришлю.

Он сбросил. Через минуту пришло SMS с короткой ссылкой и паролем: **«ключо-тволны»**.

Я села за компьютер, ввела данные. Открылся минималистичный интерфейс – тёмно-синий фон, будто глубина, и в центре окно видео-чата. Рядом – поле для загрузки файлов. Я подключила камеру. На экране появился мужчина лет шестидесяти, в очках, с седой бородкой и умными, усталыми глазами.

– Здравствуйте, Августа Иосифовна. Благодарю за доверие. Вижу, вы держите блокнот. Можно?

Я открыла его на странице со схемой и поднесла к камере. Илья Аркадьевич внимательно посмотрел.

– Да, это оно. – тихо сказал он.

– «Барбос» – грузовое судно, ходило под либерийским флагом. «Монах» – бывший рыболовный сейнер, переоборудованный. «Сирена»... это уже интереснее. Это было научно-исследовательское судно, формально приписанное к одному институту в Одессе. Но ходило оно, мягко говоря, не по научным маршрутам.

– Что они делали? – «Сирена» была плавучим ППК. – пояснил он. – Пунктом переброски контингента. Это не официальный термин. Так называли схему, по которой людей... перемещали без лишних следов. Чаще всего – учёных, инженеров, иногда военных, которым нужно было исчезнуть с радаров на время. Или навсегда. Их брали в одном месте, пересаживали на «Сирене» в нейтральных водах, меняли документы, дальше – на другое судно и в другую точку мира.

– Контрабанда людьми? – ужаснулась я.

– Не всегда в криминальном смысле. Иногда это были государственные игры. Иногда – корпоративные. Ваш друг, судя по схеме, интересовался именно «Сиреной». Посмотрите, здесь стрелка от катера «Ялта-12» (это, видимо, тот, на котором он работал) идёт к «Сирене». И стоит дата – за два дня до официального исчезновения катера.

– То есть он мог не утонуть? Он мог... перейти на «Сирену»?

– Вполне. А потом «Сирена» могла доставить его, например, в Северную Африку. Или в Южную Америку. Или... – он сделал паузу. – в Мурманск. Чтобы оттуда уже отправить куда-то дальше, по другой цепочке. Ваш генерал из ДПС был близок к истине. Латеральное перемещение. Только не по дорогам, а по морю.

– Зачем ему это?

– Возможно, он что-то знал. Или что-то увидел. Или просто хотел начать новую жизнь, но нелегально. Девяностые были таким временем. – он вздохнул.

– Схема, которую вы держите. – это, возможно, карта его запланированного побега. Или... карта его гибели, если что-то пошло не так. «Сирена» пропала без вести через полгода после этой даты. Официально – шторм. Неофициально... версий много.

Я смотрела на схему, и линии на ней оживали. Это была не просто карта. Это был **план**. Дима собирался куда-то уйти. И, возможно, ушёл.

– Что мне делать с этой информацией? – спросила я.

– Храните блокнот. И ключ. Возможно, они ещё пригодятся. А я, со своей стороны, попробую раскопать, куда могла вести цепочка после «Сирены». У меня есть знакомые в... смежных областях. И, Августа Иосифовна?

– Да?

– Ваша картина... Она очень точно передаёт суть. Гидродинамика – это не только про воду. Это про потоки информации, судебных, решений. Вы художник. Продолжайте рисовать. Иногда картина понимает больше, чем аналитик.

Мы закончили разговор. Я сидела, глядя на блокнот. Так и закончился день...

Утро началось с того, что Люция (11 лет, будущий гений системного анализа и по совместительству парикмахер в тренировочном режиме) отправила мне свой последний рисунок и позвонила видеозвонком.

— Тётя Густя, посмотрите! — она ткнула пальцем в лист акварельной бумаги. — Я пыталась нарисовать море в Мурманске, как папа рассказывал, но краски поплыли не так. Тут какая-то странная синяя волна, она всё время меняет форму. Если долго смотреть, кажется, что она... шипит?

Я взяла рисунок. Первое, за что зацепился глаз экономиста/художника — композиция. Море было не просто нарисовано, оно было «верстано». Линии горизонта накладывались друг на друга с математической точностью, образуя структуру, до боли напоминающую схемы, которые я видела в «засекреченных» отчетах «Персея».

— Люция, — мой голос был неестественно спокойным, — а где именно папа Игорь рассказывал про эту волну? Какие слова он использовал?

— Он сказал: «Доча, в море нет прямых путей, там одна сплошная гидродинамика тени, — процитировала Люция, поправляя заклепку. — А ещё он дал мне этот старый бинокль, сказал, что сквозь него видны не корабли, а «истинные направления». Но я в него ничего, кроме пыли на чердаке Жоржетты, не видела.

Мое сердце пропустило удар. Гидродинамика тени. Это был термин, который всплыл в «дампе», полученном от «Персея» вчера ночью.

Я открыла свой блокнот. За последние три дня я исписала половину страниц в клетку. С одной стороны — тарифы на ЖКУ для дома №17. С другой — расшифровки из GigaChat.

Я поставила перед собой рисунок Люции и приложила к нему кальку. Волны на рисунке, если их соединить определенными точками, превращались в координатную сетку. Это не был рисунок моря. Это была карта «пустых зон» в акватории Кольского залива — мест, где радары должны были регистрировать движение, но система давала «ошибку чтения».

— Тётя Густя, вы чего? — Люция внимательно следила за мной. — У вас глаза стали как у мамы, когда она считает бюджет на покраску фасада.

— Люция, — сказала я, — слушай меня внимательно. Есть вещи, которые взрослые называют «бухгалтерией», но на самом деле это — магия распределения ресурсов. Мы сейчас немножко поиграем в «ревизоров скрытых активов». Ты мне поможешь?

В этот момент телефон завибрировал. Леонид. Генерал ДПС.

Леонид: «Августа, в твоём секторе (Краснодар) зафиксировано «латеральное перемещение». Твой сын Радаслав скачал какой-то архив с торрента, который почему-то «постучался» в базу данных ГИБДД. Ты уверена, что у вас дома надёжный firewall, а не дырявое сито?»

Я похолодела. Радаслав. Сын. Мальчик, который живет в наушниках, только что невольно вскрыл транспортную базу государства.

— Ксенофонт! — крикнула я в коридор, где муж сосредоточенно выравнивал по уровню полку для обуви. — У нас экстренное совещание по защите периметра! Радаслав, немедленно в гостиную! И пусть Стэфан выходит на связь из Мурманска — у нас утечка данных, которую нужно срочно переквалифицировать в «технический сбой»!

Я поняла: «гидродинамика тени» — это не метафора. Это способ, которым Дима прятал истину. Он вложил её в нас, в наши семьи. Мы — носители его архива. Мы — живая бухгалтерия того, что не должно было быть найдено.

Пока я расставляла чашки для чаепития (обязательный элемент любой конспирации), я вспомнила слова «Персея»: «Ищут того, кто умеет считать не только деньги».

Я, Августа Иосифовна, скучная тетка в домашнем халате с лисами, начала складывать свои активы. Семья, друзья — это щит. Но теперь она стала ещё и самой ценной уликой в деле, которое началось двадцать лет назад в Мурманске и закончилось в моей акварели прямо сейчас.

Где-то в Мурманске капитан Седов в этот момент смотрел в старый бинокль на горизонт. Он не видел кораблей. Он видел «тень». Дима был прав. Они все ещё идут за ними. И, кажется, они нашли след в Краснодаре.

Я снова вспомнила о блокноте.

Теперь у меня была не только загадка, но и версия. Дима мог быть жив. Где-то. Или он был жив какое-то время после своего «исчезновения». И этот ключ ДМ-4... Может, от шкатулки, которую он оставил на берегу? Или от ящика на том самом судне?

Я решила действовать по всем фронтам. Написала капитану Седову коротко: **«Схема есть. «Сирена» — ключевое звено. Жду чая!»**. Отправила Ерофею: **«Латеральное перемещение подтверждается. Море. Нужна информация по судну «Сирена» (НИС, Одесса, пропало в 99-м)»**. И в семейный чат, для поддержания общего тонуса, сбросила: **«Кто-нибудь знает, как вывести пятно от акварели на дублёнке? Срочно. Картина вышла слишком живой...»**.

Через минуту ответила Жоржетта: **«Августюша, это дух картины просится наружу! Попробуй рисовать на холсте, а не на одежде! Кстати, Ерофей с Ефимушкой нашли на чердаке старый морской бинокль. С гравировкой «ДМ». Это случайно не твой?»**

Я уставилась на экран. Бинокль. ДМ. Ещё один артефакт. Он появлялся в доме у Жоржетты и Ерофея, которые были дальше всех от этой истории. Как будто сама сеть ППК — эта цепочка перемещений — теперь проецировала свои следы на мою семью, раскидывая улики, как хлебные крошки.

Я ответила Жоржетте: **«Мой. Сохрани, пожалуйста. Это важный экспонат для моей новой серии «Призраки в моей жизни». А лучше отправь мне – по возможности».**

А сама думала: следующая точка – бинокль. Потом, возможно, что-то ещё. И где-то в конце этой цепочки, состоящей из ключей, картин, старых биноклей и генеральских подсказок, мог быть он. Дима. Или правда о нём. Или и то, и другое.

Ветер, который я учила рисовать когда-то очень давно нашу Лукерью, потом, и Радаслава, и Люцию, наконец-то начал дуть. И он нёс с собой запах моря, морошкового варенья и старой бумаги.

«Августа понимает, что акварель — это не только способ декора гостиной, но и форма шифрованной логистики» - от автора.

Глава 5. Бинокль с гравировкой и призрак в глине

Бинокль оказался тяжёлым, старым, в кожаном футляре, потёртом до гладкости. Гравировка «ДМ» была выведена аккуратными, почти инженерными буквами на латунной пластинке. Жоржетта отправила мне его при первой возможности, я поставила его на полку рядом с ключом и синим блокнотом. Три артефакта. Три точки. Они молчали, но их молчание было разным: ключ – угрожающее, блокнот – настойчивое, бинокль – печальное, будто он многое видел и теперь устал.

Я решила не ждать чая от капитана Седова. Я сама позвонила ему на номер, который оставил Тимофей.

– Капитан Седов, это Августа Иосифовна. – начала я, когда он взял трубку. – Я получила вашу инициативу через академика. И новые артефакты. Бинокль с гравировкой. Имеет ли он отношение к вашей мурманской истории?

На другом конце какое-то время было слышно лишь ровное дыхание, а потом звук, похожий на скрип кресла.

– Бинокль. – произнёс Седов голосом, в котором гудел ветер, даже если он был в кабинете.

– Да. Может иметь. В ту пору, о которой вы интересуетесь, у нас в экипаже «Персея» был молодой специалист, Дмитрий. Парень с юга, умел рисовать. Он часто сидел на палубе и что-то зарисовывал в блокнот. А бинокль у него был семейный, от деда-моряка. Он его очень ценил. Потом Дмитрий... ушёл. Сложно сказать, как. Написал рапорт о переводе. А через месяц мы узнали, что судно, на которое он якобы перевёлся, даже не выходило в море в тот период. И бинокль его остался. На вешалке, в каюте. Я его долго хранил, думал, вернётся. Потом, когда «Персей» ставили на ремонт, куда-то затерялся. Как он оказался у вас?

– Он нашёлся на чердаке у моей подруги. В Минске. За тысячи километров от моря.

– Латеральное перемещение. – усмехнулся в трубку Седов. – Вещь путешествовала. Как и её хозяин, возможно. Видите ли, Августа, тут есть нюанс. Дмитрий, наш Дмитрий, был не просто художником. Он был... картографом особого рода. Он не рисовал береговые линии. Он рисовал **маршруты**. Неофициальные. Те, по которым можно пройти, минуя посты, радары, вопросы. У него был дар видеть море не как препятствие, а как систему дорог. Сквозь туман, шторма, политические запреты. Именно такие люди были нужны для операций «Сирен».

– То есть он работал на них? Добровольно?

– В ту пору мало что было добровольно. – ответил Седов. – Чаще – это был выбор между плохим и очень плохим. Я думаю, его завербовали. Или прижали чем-то. Он рисовал схемы для «Сирен». А потом, возможно, решил выйти из игры. Или его вывели. Насильно. Ваша схема в блокноте – это, вероятно, его последняя работа. Или первый черновик побега.

– Вы можете подтвердить, что ваш Дмитрий и мой друг Дима – один человек?

– Пришлите фото. Старое.

Я отправила ту самую фотографию с Ялтинской набережной. Ответ пришёл через полчаса. Короткий и страшный: **«Это он. Только у нас он был без бороды. И звали его не Дмитрий, а Мирон. Мирон Васильев. Но это, полагаю, тоже не настоящее имя».**

Итак, у меня был не просто пропавший друг. У меня был человек с несколькими именами, который рисовал тайные морские пути для сомнительных операций и исчез, оставив за собой цепочку артефактов, ведущих с Чёрного моря в Мурманск, а оттуда – на чердак в Минск.

Следующая активность пришла оттуда, откуда я не ждала. От Люции. Она прислала голо-совое сообщение в наш чат, шёпотом, будто прячась: **«Тётя Гутя, я тут с бабушкой в подвале искала банку с огурцами. А нашла... коробку. Тяжёлую. В ней что-то стучит. А на коробке написано «ДМ-4». Это случайно не твоё? Бабушка говорит, это старая штукатурка, но я думаю, нет...»**

ДМ-4. Как на ключе. Я написала Аннушке: **«Анюта, что за коробка ДМ-4 в подвале?»** Она ответила через минуту: **«Гутя, это не штукатурка. Это глина. Морская. С того самого берега, где ты когда-то отдыхала. Я её привезла, хотела сделать что-то... но руки не дошли. Говорят, глина помнит. Открывай, если хочешь. Только осторожно».**

Рванула к подруге Аннушке на выходные. Подвал в доме Анны пах землёй, яблоками и стариной. Коробка, обернутая в плотную бумагу, стояла на полке рядом с банками. Я открыла её. Внутри, аккуратно упакованная в стружку, лежала не просто глина. Это была **голова**. Не скульптура, а слепок. Лицо молодого мужчины с закрытыми глазами, морщинами у висков и тонкими, плотно сжатыми губами. Дима. Или Мирон. Или кто он там был. С обратной стороны надпись: **«Последний причал. Голова говорит, если приложить ухо к губам. Но я не слышу».**

Я взяла слепок в руки. Он был холодным и невероятно живым. Кто сделал его? Дима сам? Или кто-то с него? Я, как сумасшедшая, приложила ухо к губам из глины. И услышала не голос, а... тишину особого рода. Глухую, густую, будто звук, пойманный и погребённый. А ещё – едва уловимый запах морской соли и машинного масла.

Аннушка стояла на лестнице, наблюдая.

– Нашла?

– Да. Что это, Анюта?

– Это память, которую нельзя доверить бумаге. Её сделал один скульптор из Керчи. Он работал с моряками, которые уходили в дальние рейсы. Делал слепки. На случай, если не вернутся. Чтобы остался хоть какой-то образ. Этот я купила у него случайно, много лет назад. Он сказал: **«Этот парень попросил слепить себя дважды. Один экземпляр взял с собой. Второй оставил. Сказал: „Если я исчезну, отдайте тому, кто будет искать меня по волнам“».** Я тогда не поняла. А теперь поняла. Это тебе.

– Почему ты не сказала раньше?

– Потому что нужно было, чтобы ты дошла сама. Ключ, блокнот, бинокль... Они вели тебя сюда. К этой голове. К этой глине. Она – не конец. Она – **интерфейс**. Попробуй.

Я не знала, что значит «попробуй». Но инстинктивно провела пальцем по глиняному виску. И под тонким слоем пыли нащупала... неровность. Маленькую, как точка. Я взяла лупу. Это была микротрещина, а внутри – что-то блестящее. Я аккуратно, кончиком ножа, извлекла. **Микрофига**. Старинный носитель информации, крошечный прозрачный квадрат. На нём можно было разглядеть миниатюрные буквы.

Аннушка кивнула.

– Ну вот. Теперь тебе понадобится микрофиш-ридер. Такие ещё в старых библиотеках есть. Или у коллекционеров. У академика, например. Думаю, он поможет.

Я завернула микрофишу в фольгу и спрятала в кошелёк. Руки дрожали. Голова из глины смотрела на меня пустыми глазницами, но теперь в её молчании была не пустота, а **наполненность**. Она хранила следующий уровень. Следующую карту.

Вернувшись домой, я написала академику Илье Аркадьевичу. **«Нашла микрофишу. Скрыта в глиняном слепке. Нужен ридер. Есть у вас?»** Ответ был мгновенным: **«Есть. Приезжайте. Я как раз проездом в вашем городе. Я могу к вам. Но лучше нейтральная территория. Знаете, кафе «Старый порт» на набережные реки Кубань? Там тихо, и у них на стенах висят старые морские карты. Будет символично. Завтра, в 15:00?»**

Я согласилась. Теперь у меня была микрофиша – возможно, последнее послание Димы Мирона. Что на ней? Координаты? Имена? Признание?

Перед встречей я зашла в мастерскую. Мне нужно было выплеснуть эту клубящуюся энергию. Я взяла холст и начала рисовать без эскиза. Рука сама вела линии. Получился портрет, но не человека. **Портрет сети**. Переплетение путей, как морских течений, в узлах которых были лица: Дима, капитан Седов, академик, Софа, Люция, Сонечка, даже Ерофей на своей машине. И в центре сети – пустота, но не чёрная, а светящаяся, как точка на экране радара. Я назвала работу «Топология невидимого».

Вечером, упаковывая микрофишу, я получила сообщение от Ерофея:

«По «Сирене»: судно было списано не в 99-м, а в 2001-м. Но не из-за гибели. Его перепрофилировали и перегнали в Каспий. Под новым именем. Кстати, в том же 2001-м в том регионе исчез один казахстанский геолог, который тоже увлекался акварелью. Совпадение? Не думаю. Будьте осторожны завтра. Даже в кафе с морскими картами».

Я ответила:

«Я всегда осторожна. Как егерь (хранитель заповедника / хранитель леса) на краю лесов». А в семейный чат добавила, для равновесия: **«Всем, у кого есть старые микрофиши или знание, как с ними обращаться – отзовитесь. Заплачу пирогами и сеансом арт-терапии».**

Первой откликнулась Жоржетта:

«У Ерофея в гараже валяется какой-то старый проектор для плёнок, может, подойдёт? Он из него рацию для Ефимушки хотел сделать, но передумал».

Сеть работала. Она ловила сигналы и передавала их дальше. А я стояла в её центре – экономист, художник, искатель дисбалансов – с микрофишей в руке, которая могла перевернуть всё. Или ничего. Завтра будет кафе «Старый порт», академик, ридер и, возможно, ответ. Или, что более вероятно. – новый, ещё более глубокий вопрос.

Глава 6. Акварель с волной

Встреча так и не состоялась.

Что-то поло не так, академику надо было срочно отъехать.

Следующая активность пришла не из мира живых людей, а из мира цифровых следов. Я возвращалась домой после ужина с Аннушкой, где мы до хруста в суставах разбирали детали той последней встречи на Ялтинской набережной. Аннушка вспомнила странность: «Дима тогда нервно перебирал в руках не ключ, а маленький синий блокнот в тканевой обложке. «Будто ждал сигнала», сказала она. «Или прятал его.»».

Дома, включив компьютер для проверки счетов за коммуналку (мир цифр продолжал требовать своего), я увидела новое сообщение от Ерофея. Не звонок, не голосовая заметка, а скриншот.

На нём было изображение страницы из интернет-архива старых морских газет. Речь о публикации 1999 года в газете «Мурманский маяк». Небольшая заметка под рубрикой «Происшествия»:

«Утеряны документы. На судне научно-исследовательского флота «Персей» во время шторма в Баренцевом море были утеряны личные документы одного из членов экипажа, включая паспорт. Командование приняло меры по восстановлению бумаг».

Ерофей приложил к скриншоту своё сообщение:

«Латеральное перемещение иногда начинается с официального исчезновения бумаг. Пропал паспорт – пропал человек в системе. Это могло быть началом его трансформации в Мирона. Ищи блокнот. Если он нервничал с ним – там может быть не только акварель. Ищи у себя».

Я оторвалась от экрана и посмотрела на свой рабочий стол. У меня не было синего блокнота. Но я помнила, что Дима однажды, за год до своей исчезновения, дал мне на время толстую папку с репродукциями морских пейзажей Айвазовского. «Для вдохновения», сказал он. Папку я вернула, но что было внутри самой папки?

Я подошла к книжному шкафу, к разделу «Архив». Там хранились старые платежные документы, черновики договоров и папки с клиентами. И одна – нераскрытая папка с пометкой «Айвазовский. Для Августюши». Я открыл её.

Внутри были не только репродукции. Между листами с «Девятым валом» и «Чёрным морем» лежал тонкий, потрепанный на краях, синий блокнот размером с ладонь. Обложка из грубой ткани была выцветшей до серого, но первоначальный цвет ещё просматривался. Я взяла его. Блокнот оказался почти пустым. На первой странице был нарисован быстрыми, нервными линиями силуэт парусника. На второй – несколько строк, написанных карандашом, почти стёршихся:

«Волна не там, где ты её видишь. Волна там, где ты её чувствуешь. Шторм – это не вода. Шторм – это давление системы. А система всегда ищет слабое место.»

На третьей странице – схема.

Это была не карта. Это была схема, похожая на технический чертеж или электрическую цепь. Линии, прямоугольники, стрелки. В центре – аббревиатура **«ППК»**. От нее линии расходились к другим обозначениям: «С.И.», «ПР», «Ф.К.», «Т.Б.». Внизу, под схемой, мелким почерком, почти микрографским:

«ППК = Плавающий пункт коммутации. Не судно. Интерфейс. С.И. = Сигнал исходный. ПР = Порт ретрансляции. Ф.К. = Финал. Код. Т.Б. = Точка баланса. Моя точка?»

И последняя строчка, написанная красной пастой, будто кровью:

«Ищет. Я стал слабым местом.»

Я сидела, держа блокнот, и чувствовала, как воздух в комнате стал гуще. Ерофей был прав. Это был не альбом для акварелей. Это была карта чего-то другого. Карта процесса. Карта превращения человека в «паспорт, потерянный в шторме», в элемент «плавучего пункта коммутации».

Я взяла телефон и сделала несколько четких фотографий схемы и текста. Отправила Ерофею и добавила:

«Нашла. Синий блокнот. Схема ППК. Это чертеж. Чертеж исчезновения?»

Ответ Ерофея был быстрым:

«ППК. Это серьезно. В моей практике такое встречалось только в контексте закрытых операций 90-х. Плавающие пункты коммутации – это мобильные центры для... переброски. Людей, данных, грузов. Часто вне официальных каналов. Ваш Дима либо был частью такой системы, либо пытался ее задокументировать. В любом случае, он был в эпицентре. Необходим эксперт.»

«Кто?» – написала я.

«Есть человек. Илья Аркадьевич. Бывший аналитик, теперь академик-океанолог. Он знает про «Сирену» и про ППК как изнутри, так и с научной стороны. Он может быть ключом. Но он не любит телефон. Он любит личные встречи и... визуальные образы.»

Я поняла. Ерофей предлагал мне использовать мою вторую профессию. Не экономиста, а художника. Чтобы получить доступ к эксперту, нужно было предложить ему не вопросы, а... интерпретацию.

Я отложила блокнот и взяла чистый холст. Схема ППК, написанная Димой, была слишком технической. Но что, если перевести её на язык цвета и формы? Я начала рисовать. Прямоугольники ППК стали темно-синими, почти черными платформами в океане. Линии, соединяющие их, превратились в золотистые потоки – сигналы, движущиеся под водой. «Точка баланса» – ярко-красная точка в центре, будто маяк или кровоточащая рана. «Финал. Код» – я представила его как сгусток зеленого мха, опускающийся в глубину.

Я работала быстро, почти в трансе. За два часа родилась абстрактная композиция: «Гидродинамика ППК». Это была не картина, а визуальный отчет. Запрос.

Ерофей, получив фото картины, ответил коротко:

«Хорошо. Он любит такие коды. Я свяжусь. Готовьтесь к встрече. Он может задать вопросы, на которые у вас нет ответов. Главное – не пытаться выглядеть умнее. Он ценит честное неведение.»

Через час пришло сообщение от самого Ильи Аркадьевича. Через какой-то мессенджер, который я никогда не использовала.

«Августа. Ерофей показал мне вашу интерпретацию схемы «ППК». Вы уловили суть: это не географическая карта, это карта потоков. Как бухгалтер балансирует активы и пассивы, так ППК балансировал людей и их прошлое. Хотите понять, что означают буквы С.И., ПР, Ф.К., Т.Б.? Приходите. У меня есть чай из морошки. Он помогает видеть сквозь туман. Но будьте готовы: туман может быть токсичным.»

Я ответила:

«Я готовлюсь. Но у меня нет морошки. У меня есть синий блокнот и вопрос: почему Дима стал «слабым местом»?»

Илья Аркадьевич:

«Потому что он начал чувствовать волну там, где её не было положено чувствовать. Это опасно для системы. Для системы важно, чтобы волну чувствовали только в обозначенных местах. Завтра, 14:00. В кафе на набережной реки Кубань. Адрес отправлю. Приносите блокнот и свою картину. Картину – как пропуск. Блокнот – как доказательство.»

Я положила телефон. Сердце билось не от страха, а от странного, холодного любопытства. Я, экономист Августа, разбирающаяся в дебете и кредите, теперь разбирала следы исчезновения человека через аббревиатуры и абстрактные картины. Система, которую описывал Дима, была похожа на бухгалтерский баланс, но баланс людей, их идентичности, их жизней. Активы и пассивы. И Дима, судя по всему, оказался в графе «недостачи». Или в графе «переоценка».

Я посмотрела на картину «Гидродинамика ППК». Красная точка «Т.Б.» – точка баланса – выглядела как рана. Возможно, это была его точка. Его точка баланса между тем, кем он был, и тем, кем его пытались сделать.

Я написала в семейный чат, стараясь сохранить легкий тон:

«Нашла старый блокнот Димы с морскими схемами. Выясняю, что там за шифры. Если кто помнит, он вообще увлекался морскими картами или шпионскими романами? Жоржетта, возможно, в твоих архивах есть что-то?»

Жоржетта ответила через минуту:

«Шпионскими романами – нет. Но у него была книга «Атлас течений мирового океана». Очень старая, с пометками. Я её, возможно, ещё не выбрасывала. Загляну в коробки на чердаке.»

Ерофей добавил:

«Атлас течений? Это звучит как инструкция к той схеме. Течения – это тоже потоки. Логично.»

Логично. Все становилось логично: потерянный паспорт как начало «латерального перемещения», блокнот как чертеж системы превращения, атлас течений как метафора. Я была на пороге встречи с человеком, который знал, как эта система работала изнутри.

Я приготовила синий блокнот и свою картину. Завтра, 14:00. В голове носились обрывки мыслей: «Чай из морошки.»; «Туман, который может быть токсичным.»...

И перед сном я сделала последнее действие: открыла файл с отчетом за прошлый квартал. Цифры, колонки, балансы. Мир, который я понимала. Но теперь я видела в этих колонках не только числа. Я видела потенциальные «пункты коммутации», «сигналы» и «точки баланса». Дима, возможно, тоже видел мир как систему потоков. Но его потоки были человеческими. И он, вероятно, попытался перевести их на язык искусства – акварель с волной, которая чувствуется, но не видима.

Завтра я попытаюсь понять этот язык.

Глава 7. Морошковый интерфейс

Встреча состоялась, но не на набережные реки Кубань, а в доме академика.

Дом Ильи Аркадьевича оказался не научной лабораторией, а кремовым сталинским особняком на тихой улице, скрытой за деревьями. Дверь открыл сам академик – человек в коралловом свитере, с глазами цвета северного моря и лёгкой неуловимой кривизной в спине, будто он всю жизнь нес тяжёлый, но невидимый груз.

– Августа». – сказал он, не предлагая руку, но взглядом оценивая картину в моих руках. – Ваша интерпретация точна в главном: вы показали, что ППК – это не точка, а процесс. Входите.

Внутри было пространство контрастов. Современные стеклянные столы с цифровыми картами океанов соседствовали с деревянными шкафами, полными старых книг по гидрографии и морскому делу. На стенах – не картины, а схемы: карты течений, графики солёности, диаграммы волновых спектр.

Илья Аркадьевич указал на низкий диван перед окном.

– Морошковый чай, как и обещал. Он не просто вкусный. Он стимулирует периферийное зрение – помогает видеть то, что находится за пределами прямого фокуса.

Я протянул ему синий блокнот. Он взял его не как драгоценность, а как знакомый инструмент, почти не глядя на рисунок парусника и философские строки. Его пальцы сразу раскрыли страницу со схемой ППК.

– Схема вашего Димы – это не просто схема. Это интерфейс». – сказал академик, поднося блокнот ближе к свету. – Интерфейс между двумя системами. Той, что была, и той, что стала.

Он поднял глаза на меня.

– Вы экономист. Вы знаете, что такое бухгалтерская проводка между счетами? Это то же самое. ППК был проводкой между жизнями.

Он начал объяснять, медленно, как будто декодируя сложный алгоритм:

«С.И. – Сигнал исходный. Это человек до попадания в систему. Его навыки, его биография, его потенциал. В случае «Сирен» – это были ученые, инженеры, специалисты с уникальными знаниями, которые были... неудобны для новой постсоветской реальности, но крайне ценны для определенных зарубежных структур.

П.Р. – Порт ретрансляции. Это этап на судне «Сирен». Физическое и психологическое преобразование. Паспорт «утерян в шторме», создается новый – с новой биографией, новыми навыками (Мирон Васильев, художник-картограф). Человек проходит своего рода

«калибровку». Его прежняя жизнь становится сигналом, который нужно передать, но не как память, а как ресурс.

Ф.К. – Финал. Код. Это конечный пункт. Человек с новыми документами, новой профессией (или легендой) поступает на работу в зарубежный институт, компанию, лабораторию. Его прежняя идентичность – исходный сигнал – теперь является «кодом», ключом к его лояльности и уникальным знаниям. Он одновременно и человек, и дешифратор собственного прошлого.

Т.Б. – Точка баланса. Это самый опасный элемент. – Академик посмотрел на красную точку в моей картине. – Это момент, когда человек осознаёт трансформацию. Когда он понимает, что он не просто «переехал», а стал продуктом системы. Для системы это точка риска. Либо человек принимает новую идентичность полностью, либо... становится «слабым местом». Ваш Дима, судя по записи, оказался в этой точке».

Я слушала, и мир вокруг меня менял свою структуру. Дима не просто исчез. Он прошёл через систему перезаписи личности. Плавающий пункт коммутации был не просто судном. Он был станком для изготовления новых людей из старых.

– Илья Аркадьевич. – спросила я, стараясь сохранить голос устойчивым. – если Дима стал «слабым местом», то что могла сделать система? Убрать его?

Академик медленно поправил свитер.

– Система редко делает грубые движения. Она оптимизирует. Если элемент системы начинает генерировать ошибки (в данном случае – эмоциональные, психологические), его можно либо «перекалибровать» – усилить давление, либо... вывести из системы через канал обратной связи. То есть, дать ему возможность «сбежать», но сбежать так, чтобы он не мог говорить.

– Сбежать? Но он исчез без следов. Его никто не видел.

– Возможно, его «побег» было частью плана. Есть версия, которую я считаю наиболее вероятной для таких случаев: человек, ставший «слабым местом», получает задание – фиктивное, на грани реальности. Например, картографировать район, где происходит... некая активность. Он отправляется туда, и там происходит его «исчезновение», которое выглядит как несчастный случай или добровольный уход. Но на самом деле он может быть перемещен в другую точку системы – под еще более глубокой легендой, или...

Илья Аркадьевич остановился и впервые выглядел не уверенным.

– Или он стал частью архива. Не живого человека, а данных. Его опыт, его сопротивление, его осознание – всё это могло быть записано, изучено и использовано для оптимизации следующих циклов ППК. Ваш Дима мог быть не жертвой, а... испытываемым образцом.

Мир в комнате казался теперь не просто пространством с книгами и картами, а огромной моделью, где люди были переменными, а их жизни – уравнениями. Я чувствовала себя как экономист, который вдруг обнаружил, что все цифры в балансе – не просто числа, а живые существа, каждое со своей историей.

– Что мне делать с этим знанием? – спросила я.

– Знание – это тоже интерфейс, Августа Иосифовна. – Он взял чашку морошкового чая. – Теперь у вас есть доступ к системе на уровне ее логики. Ваша задача – найти не Диму как

человека, а Диму как сигнал. Сигнал, который прошёл через ППК и, возможно, был записан. Ваша карта «Гидродинамика ППК» – это уже начало такого поиска. Она показывает, что вы способны видеть потоки. Используйте это.

– Как?

– Есть три пути. Первый: искать следы «Сирен» в официальных, но забытых архивах морского флота. Ерофей может помочь. Второй: искать людей, которые могли быть «результатом» работы «Сирен» – тех, кто внезапно появился в зарубежных научных кругах в конце 90-х с неизвестным прошлым. Это сложнее. Третий: искать «точку баланса» вашего Димы физически. По его картам, его рисункам, его последним маршрутам.

Я вспомнила про атлас течений, который Жоржетта нашла.

– У него был атлас течений. С пометками.

Академик почти улыбнулся.

– Это хороший знак. Атлас течений – это книга о том, как энергия перемещается в океане. Если он делал пометки, то он, возможно, пытался понять не географию, а динамику системы. Найти этот атлас. Сравните его пометки со схемой из блокнота. Возможно, он сопоставлял морские течения с... человеческими потоками.

До этого момента встреча казалась абстрактной, почти философской. Но теперь она стала практической. Атлас течений мог быть ключом, переводчиком между схемой ППК и реальным миром.

– Илья Аркадьевич. – спросила я в конце. – почему вы помогаете? Вы ведь часть этой системы, знаете её внутренности.

Академик посмотрел на свои карты океана на стене.

– Я был частью системы, когда она создавалась. Я считал, что это – способ сохранения знаний, сохранения людей. Но когда я увидел, что система начинает балансировать не знания, а идентичности, что она превращает людей в проводки между счетами... я стал её критиком. Но критиком внутри. Ваш Дима, возможно, стал критиком снаружи. И его исчезновение – это вопрос, который система оставила мне как неоплаченный счет. Я хочу закрыть этот счет.

Это была экономическая метафора, которую я поняла абсолютно. Неоплаченный счет. Дебиторская задолженность системы по отношению к человеку.

Я уходила из дома академика, держа не только синий блокнот и свою картину, но и новое понимание. Дима не был просто пропавшим другом/браткой. Он был сигнал, прошедший через интерфейс ППК и, возможно, записанный в архив системы. Найти его означало не просто найти человека, а найти след его трансформации – след, который система пыталась скрыть, но который, как морское течение, продолжал двигаться под поверхностью.

Когда я вернулась домой, в семейном чате уже было сообщение от Жоржетты:

«Атлас найден. И это не просто книга. Это... кажется, лабораторный журнал. На каждой странице течений – пометки, но не о морских потоках, а о людях. Имена, даты, странные аббревиатуры. Дима использовал атлас как шифровальную книгу. Ерофей уже начал фотографировать. Мы должны встретиться».

Теперь у меня было три элемента: синий блокнот с схемой интерфейса ППК, морошковое объяснение академика и атлас течений, превращенный в шифровальную книгу. Три части одного уравнения, где неизвестной переменной был Дима.

Я написала Ерофею:

«Интерфейс объяснен. Дима был сигнал в системе ППК. Его исчезновение может быть частью оптимизации системы. Атлас течений – возможно, ключ. Нужна встреча с Жоржеттой и Ефимом для анализа пометок».

Ерофей ответил быстро:

«Устройте встречу. Но будьте осторожны. Если атлас действительно шифровальная книга, то в нем могут быть не только данные, но и... триггеры. Система может отслеживать активность вокруг таких артефактов. Встречайтесь не у вас дома. Выберите нейтральное место».

Нейтральное место. Я подумала о кафе «Старый порт», где Дима в последний раз виделся с Аннушкой. Это было место, связанное с ним, но не с нами. Возможно, там осталась часть его энергии, часть его «сигнала».

Мы давно уже решили в этот год встретиться в одном городе и провести дружеское-семейное время вместе. Выбрали город Санкт-Петербург. Всё совпало.

Я написала в семейный чат:

«Завтра, 12:00, кафе «Старый порт». Приносим атлас, блокнот и свою голову. Анализируем пометки вместе. Ерофей и Ксенофонт (тоже с ним заодно) советуют осторожность – артефакты могут быть не просто записями, но и маяками».

Жоржетта ответила:

«Я принесу атлас и свою способность видеть то, что не написано прямым текстом».

Ерофей:

«Я принесу свой логический ум и способность строить связи между несвязными данными».

Аннушка, которая обычно молчала в чате, на этот раз написала:

«Я принесу морошку. И своё знание того, что волна всегда чувствуется там, где ты меньше всего её ожидаешь».

Завтра, 12:00, кафе «Старый порт». Мы, друзья как одна семья, соберёмся не для обеда, а для декодирования. Для чтения течений, которые Дима оставил нам как карту, возможно, карту своего собственного перемещения.

Я посмотрела на картину «Гидродинамика ППК». Красная точка «Т.Б.» – точка баланса – теперь казалась не просто раной, а координатой. Возможно, координатой следующего шага.

Глава 8. Атлас как шифр

Кафе «Старый порт» было местом с памятью. Стены, украшенные фотографиями рыбацких судов и старыми морскими картами, висели над нами как свидетельства другой эпохи – когда порт был центром жизни, а не туристической локацией. Мы заняли угловой столик, где свет падал так, что можно было видеть мелкие детали.

Жоржетта положила атлас на стол. Это была толстая книга в потрепанной темно-синей обложке – «Атлас течений мирового океана», издание 1978 года. Но когда она открыла его, стало очевидно, что это не просто научный справочник. На страницах с картами течений – стрелки, обозначающие направления потоков. – были сделаны тонкие, почти микроскопические пометки ручкой и карандашом. Не на самих картах, а в пустых полях, вдоль береговых линий.

Ерофей сразу взял на себя роль систематизатора. Он разложил рядом свой iPad, блокнот для заметок и предложил работать по схеме:

«Сначала мы ищем повторяющиеся элементы. Аббревиатуры, цифры, символы. Затем сопоставляем их с схемой из синего блокнота».

Аннушка принесла не только морошковый чай в термосе, но и свою особенную наблюдательность: *«Дима всегда делал пометки как художник. – сказала она. – Не как ученый. Он видел линии течений как живые штрихи. Смотрите».*

Мы начали.

Первая страница – карта течений Северного моря. Вдоль побережья Норвегии, рядом со стрелкой Норвежского течения, была надпись: «С.И. 12 → Л.К.»

– С.И. – Сигнал исходный. – сказала я. – Это из схемы ППК. Но что такое Л.К.?

Жоржетта нашла другую страницу – Атлантический океан, возле Бермудских островов. Там же надпись: «Л.К. → Ф.К. 89»

– Л.К. может быть «Логистический канал» или «Локация контроля». – предположил Ерофей. – Дима, возможно, обозначал промежуточные точки между исходным сигналом и финальным кодом.

Следующая находка была более прямой. Карта Баренцева моря, район, где, согласно заметке из газеты, у Димы «потерялся паспорт». Там, возле обозначения холодного течения, была надпись карандашом: «П.Р. точка 7. Трансформация завершена. Новый сигнал: МВ».

– МВ. – прочитала Жоржетта. – Мирон Васильев. Это его новое имя. Пункт ретрансляции, точка 7.

Мир в кафе начал менять свои очертания. Атлас был не просто книгой. Это была карта маршрута трансформации Димы. Он использовал географические течения как метафору для человеческих потоков – потока своей собственной личности через систему ППК.

Но самое интересное было на последних страницах атласа. Карта Южной Атлантики, район между Бразилией и Южной Африкой. Здесь пометки были не аббревиатурами, а целыми фразами, написанными мелко, почти шифром:

«Т.Б. здесь не точка. Т.Б. – это вектор. Направление сопротивления. Вектор направлен против течения системы. Если вектор совпадает с природным течением (напр., течение Западных ветров), то баланс возможен. Если вектор противоречит (напр., противотечение под поверхностью), то система идентифицирует слабое место. Я – противотечение. Они знают.»

И под этой записью – небольшой рисунок. Не карта, а схематическое изображение двух стрелок: одна большая, направленная вправо (система), и одна маленькая, направленная влево (вектор Т.Б.). Они встречались, создавая вихрь.

– Это он описывает свою точку баланса! – сказала Аннушка тихо. – Он понял, что его сопротивление системе делает его видимым. И он не просто точка, он движение. Движение против потока.

Ерофей сравнил эту запись со схемой в синем блокноте. *«В блокноте Т.Б. – это точка. Здесь он уже переосмыслил её как вектор. Он эволюционировал в понимании системы. От статичного элемента к динамическому сопротивлению».*

Жоржетта нашла еще одну запись, на карте Индийского океана:

«Если вектор Т.Б. становится слишком сильным, система предлагает альтернативный канал: Канал Обратной Связи (КОС). Это не выход. Это погружение. Система погружает элемент на глубину, где давление уничтожает сопротивление. КОС требует новой легенды. Легенды более глубокой, чем море.»

Мы сидели в полном молчании несколько минут. Канал Обратной Связи. Это звучало как механизм уничтожения, но не физического, а идентификационного. Система не убивает. Она погружает – в другую легенду, более глубокую, где человек уже не может быть «слабым местом», потому что он становится частью архива под давлением.

– Что такое «легенда более глубокой, чем море»? – спросила я.

– Это может означать, что его новая роль была не просто художником-картографом, а чем-то ещё?! – сказал Ерофей. – Например, специалистом по глубоководным исследованиям, или... человеком, который работает в области, где его прошлое полностью неважно, потому что текущая задача требует абсолютной погруженности.

Аннушка посмотрела на рисунок вихря:

– Вихрь. Это место встречи двух течений. Вихрь может быть опасным для кораблей, но он также может быть местом, где собирается все, что было в воде. Дима, возможно, считал, что его вихрь – точка встречи его сопротивления и системы – мог быть местом, где можно найти... другие элементы. Других, кто тоже сопротивлялся.

Ксенофонт, который следил за нашим чатом, куда время от времени скидывала результаты нашего расследования, написал:

«КОС – это известный термин в операциях. Канал обратной связи используется для элементов, которые начинают генерировать «шум». Их не удаляют, их перепрофилируют в менее заметные, но более важные задачи. Часто – связанные с долгосрочным наблюдением или сбором данных в условиях изоляции. Если Дима попал в КОС, его следы будут не в художественных кругах, а в научных, связанных с глубоководными исследованиями, возможно, даже в антарктических экспедициях.»

Антарктика. Глубина. Изоляция. Это была новая координата.

Я перевела взгляд на последнюю пометку в атласе. На карте Тихого океана, возле Антарктического циркумполярного течения, была надпись:

«КОС точка 3. Новый код: Глубина. Здесь противотечение становится течением. Здесь сопротивление становится ресурсом. Но ресурсом для системы, не для меня.»

И ниже, почти неразборчиво:

«Если найдут этот атлас, пометки – ключ. Ключ не к моему местоположению, а к моему состоянию. Я не пропал. Я погружен.»

Это было не сообщение о смерти или исчезновении. Это было сообщение о трансформации в другой режим существования. Дима не был мёртв. Он был «погружен». Как данные в архиве, как элемент в системе под высоким давлением.

– Что мы делаем с этим? – спросила Жоржетта.

Ерофей закрыл iPad.

– Мы должны найти, что означает «КОС точка 3» в реальном мире. Это может быть конкретная научная станция, исследовательское судно, база. Что-то связанное с глубоководными исследованиями в районе Антарктического циркумполярного течения.

Аннушка добавила:

– И мы должны понять, что значит «ключ к моему состоянию». Он хочет, чтобы мы знали, что он не исчез, а трансформировался. Но он также говорит, что сопротивление стало ресурсом для системы. Это может означать, что его знания, его понимание системы теперь используются ей.

Я посмотрел на всех.

– Мы должны найти не его тело, а его текущую «легенду». Его новую роль в системе после погружения в КОС.

Ерофей в чате предложил:

– Есть несколько международных программ глубоководных исследований в Южном океане. Одной из них была программа «Абиссаль» в конце 90-х – начале 2000-х. Она изучала глубоководные течения и геологию антарктического шельфа. Многие участники были «непубличными» учеными, часто без подробных биографий. Можно начать поиск там.

Мы договорились, что Ерофей будет исследовать программу «Абиссаль» и связанные с ней научные публикации, Жоржетта – изучать архивы морских институтов того периода, Аннушка – использовать свои связи в художественно-научных кругах для поиска упоминаний о «картографах-исследователях». А я – связаться с Ильей Аркадьевичем и Ерофеем для более детального понимания термина «КОС».

Когда мы собирались уходить, я заметила ещё одну деталь. На обратной стороне обложки атласа, в самом низу, почти под слоем пыли, была наклейка – маленький, потрепанный стикер с логотипом. Логотип был простым: три волны, одна над другой, и над ними аббревиатура «ПОТОК».

– Что это? – показала я всем.

Ефим сразу начал поиск на своем iPad.

– «ПОТОК»... Это может быть проект, организация...

Жоржетта вспомнила:

– Дима когда-то говорил о проекте «Поток», который объединял художников и учёных для изучения морских течений. Но это было давно, ещё в начале его карьеры.

Аннушка добавила:

– Если это проект, то он мог быть связан с «Сиреной» или ППК. Проект «Поток» мог быть легальным фасадом для более глубоких операций.

Ерофей, увидев фото стикера, ответил мгновенно:

– «ПОТОК» – это не проект. Это программа. Программа по отслеживанию и канализации человеческих ресурсов в постсоветский период. Она была частью более крупной системы. Если у Димы был этот стикер, он мог быть не просто участником, но и... объектом программы. Найдите все, что связано с «ПОТОК». Архивы могут быть в библиотеках морских институтов, но также в закрытых отчетах.

Мы покинули кафе «Старый порт», но не с чувством завершения, а с новым набором координат: КОС точка 3, программа «ПОТОК», Антарктическое циркумполярное течение. Дима был не просто потерянным братом. Он был человеком, который прошел через систему ППК, достиг точки баланса как вектор сопротивления, и затем был погружен в Канал Обратной Связи – возможно, в программу глубоководных исследований под новой легендой.

Его послание в атласе было криптограммой: **«Я не пропал. Я погружен»**. Это означало, что его следы не на поверхности, а в глубине – в архивах закрытых программ, в данных научных исследований, в легендах, которые были «глубже, чем море».

Я написала Илье Аркадьевичу:

«Атлас – шифровальная книга. Дима описывал свою трансформацию через метафоры течений. Он указывает на КОС – Канал обратной связи. И на стикер программы «ПОТОК». Что это значит для поиска?»

Илья Аркадьевич ответил через час:

«КОС – это уровень системы, где элементы перестают быть видимыми, но остаются функциональными. «ПОТОК» была программой управления такими элементами. Если Дима был погружен в КОС через «ПОТОК», его следы будут в научных отчетах по глубоководным исследованиям, но под другим именем, возможно, под кодовым обозначением. Начните поиск в базах данных научных публикаций по Южному океану с 1999 по 2005 год. Ищите авторов с минимальной биографией, но с существенными статьями по картографии течений или геологии шельфа. Дима мог быть среди них.»

Мы разделились для поиска. Каждый – по своему направлению. Ерофей начал погружение в цифровые архивы научных журналов. Жоржетта пошла в библиотеку морского института. Аннушка подключила своих знакомых в мире искусства, которые работали с научными организациями. А я начала составлять список возможных кодовых имен, исходя из аббревиатур в атласе.

Но перед тем как начать, я посмотрела на стикер «ПОТОК» на обложке атласа. Три волны, одна над другой. Это могло быть символом трех уровней системы: поверхностный (легальный), глубинный (операционный), и абиссальный (архивный). Дима, возможно, переместился из легального уровня в архивный (и похоже на то, что с грифом «Секретно»!?).

Синий блокнот, атлас течений, картина «Гидродинамика ППК» – все это было частями одного шифра. Шифра, который рассказывал не о месте, где находится Дима, а о том, как он функционирует сейчас. Он был погруженным элементом системы, возможно, все еще подаю-

щим сигнал, но сигнал, который нужно было декодировать не через географию, а через логику потоков.

Завтра мы начинаем поиск в глубине. Не в морской глубине, а в глубине данных, архивов, легенд. Поиск человека, который стал «ресурсом для системы», но ресурсом, который, возможно, все еще сохраняет вектор сопротивления – противотечение под поверхностью.

Глава 9. Архив глубин

Архив Северного морского института располагался не в главном здании из стекла и бетона, а в старой кирпичной постройке конца XIX века, которая когда-то служила складом для навигационных приборов. Здесь пахло пылью, старой бумагой и тишиной, которая казалась такой же плотной, как вода на большой глубине.

Жоржетта договорилась о доступе через своего знакомого – пожилого архивариуса Семена Игнатьевича, который проработал здесь сорок лет и, как казалось, знал о каждом документе лично. Когда мы вошли в длинный зал с высокими стеллажами, он встретил нас взглядом, полным одновременно подозрения и профессионального любопытства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.